

К ВОПРОСУ О РОЛИ Б.Ф. ГОДУНОВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРИОРИТЕТОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В 80-е ГОДЫ. XVI ВЕКА

TO THE QUESTION OF B.F. GODUNOV'S
ROLE IN FORMATION OF PRIORITIES
IN FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN
STATE IN THE 80th OF THE 16th
CENTURY

*Yu. Zhukov
I. Shishkin*

Annotation

In the article the author notes that the question of priorities of Boris Godunov in foreign policy remains poorly understood, up to 1589 they are based on the personal interests of the king's favorite: strengthening its credibility within the country and abroad, reprisals against political opponents. However, to strengthen the position of Boris the nature of the priorities changed – his actions are not the expression of political will and a stream of interests of the Moscow state in the form in which they are presented to him.

Keywords: Boris Godunov, the history of Russia, the interest of the state, development policy, instruments of power.

Жуков Юрий Петрович

Соискатель, Тюменский

государственный институт культуры

Шишкин Игорь Геннадьевич

Д.ист.н., Тюменский

государственный институт культуры

Аннотация

В статье автор отмечает, что вопрос о приоритетах Бориса Годунова во внешней политике остается малоизученным, до 1589 года в их основе лежат личные интересы царского фаворита: укрепление собственного авторитета внутри страны и за рубежом, расправа с политическими противниками. Однако с укреплением положения Бориса характер приоритетов меняется – его акции становятся не выражением собственной политической воли, а трансляцией интересов Московского государства, в том виде, в каком они ему представляются.

Ключевые слова:

Борис Годунов, история России, интерес государства, политика развития, инструменты власти.

Внешняя политика России конца XVI – начала XVII ввиду целого ряда причин, обусловленных внешнеполитическими акциями Ивана IV и насущными потребностями государства, осуществлялась в крайне сложной обстановке и имела многовекторный характер.

Правительство Федора Иоанновича и Бориса Годунова сосредоточило свои усилия на следующих приоритетных задачах: замирении с воинственными соседями и недавними врагами по Ливонской войне – Речью Посполитой и Швецией; стабилизации обстановки на южных рубежах государства, где крайне беспокойно вели себя крымские татары, ногаи, черемисы; расширении торговых контактов с Востоком взамен упущенной возможности торговать с Европой через Балтийское море.

Количество и сложность стоящих перед страной задач требовали незаурядных способностей от людей, осуществляющих внешнюю политику в этот период. Одним из таковых, несомненно, являлся или должен был являться Соправитель, царский шурин Борис Федорович Годунов, к 1585/86 годам сосредоточивший в своих руках необычайно широкие полномочия.

Внешнеполитическая деятельность Бориса Годунова не получила столь обширного освещения в трудах исто-

риков, как другие аспекты его правления. По сей день не существует труда, посвященного специально данной теме. Роль Бориса Годунова в формировании приоритетов и направлений внешней политики времен соправления изучена еще меньше.

Выявление факторов и условий усиления позиции и роли Бориса Годунова в формировании внешнеполитического курса страны в 1584–1589 гг. и отражение данного процесса в отечественной исторической науке, на наш взгляд, является перспективным сюжетом для современной историографии. Временной диапазон выбран нами не случайно: в 1584 году начинается правление Федора Иоанновича и восхождение Бориса к вершинам власти, а вместе с тем и к позициям, позволяющим руководить внешней политикой государства; в 1589 Боярская Дума и царь выносят беспрецедентное в русской истории решение – наделить боярина Бориса Федоровича Годунова правом сноситься с иностранными государями напрямую и от своего лица, что принципиально меняет и роль царского шурина в формировании курса внешней политики, и саму эту политику.

Изучение вопроса о роли Бориса Годунова во внешней политике Русского государства формирует задачу

нашего исследования – выяснить, как, в какие периоды и под действием каких факторов менялась роль царского шурина в отношениях с внешнеполитическими партнерами.

Рассмотрение данного вопроса предполагает исследование как минимум еще двух: 1) каковы были внешнеполитические приоритеты Бориса в разные периоды его утверждения в качестве соправителя и 2) из кого состояло окружение конюшего боярина, которое принимало участие в решении внешнеполитических вопросов.

Общепринятым в историографии считается мнение, что в течение 80-х годов XVI века авторитет конюшего боярина при дворе Федора Иоанновича поступательно возрастает: начав как один из возможных членов регентского совета при слабоумном царе, Б.Ф. Годунов, шаг за шагом нейтрализуя других претендентов на звание ведущих политических игроков, становится подлинным соправителем государя, задействованным во всех сферах политической жизни. Тем не менее, сложность и традиционная коллегиальность не позволяют ему на первых порах сосредоточить в своих руках рычаги управления внешней политикой.

А.А.Зимин с опорой на сведения иностранных источников отмечает, что, по крайней мере, в 1584 году, то есть в самом начале правления Федора Иоанновича, Борис Годунов принимал лишь весьма ограниченное участие во внешнеполитических сношениях: ведущую роль здесь играли Н.Р.Юрьев (несмотря на начавшуюся болезнь) и глава Посольского приказа А.Щелкалов, как это видно из сюжета о переговорах этих государственных мужей с английским послом Д.Боусом сразу после смерти Ивана Грозного [4]. Сам Д. Боус рассказывает о Н.Р. Юрьеве и А. Щелкалове в следующих выражениях: "...Никита Романович и Андрей Щелкалов считали себя царями и потому так и назывались многими людьми, даже многими умнейшими и главнейшими советниками...", причем под "умнейшими и главнейшими советниками" здесь подразумевается клан Годуновых [13].

От папского унция в Польшу также поступают сведения о том, "что самыми влиятельными людьми в Москве были Никита Романович" [15] и князь И. Шуйский. Английский посол пишет к своему двору в мае 1584, что Годунов не пользуется в столице никаким авторитетом [16]. Данная точка зрения поддерживается О.В. Дмитриевой [3], которая при этом выдвигает предположение, что Борис Федорович стремился создать себе образ "защитника англичан" при дворе [3], однако не сразу преуспел в этом ввиду противодействия столь сильных игроков, как упомянутые Н.Р. Юрьев и А. Щелкалов.

Противоположную точку зрения высказывает А.П.Павлов, считающий, что уже к концу 1584 года именно Борис Годунов и Андрей Щелкалов играли ключевую роль в деятельности Посольского приказа [7]. Впрочем, убедительных аргументов в пользу данной точки зрения автор не озвучивает, в качестве таковых предлагаются к рассмотрению детали придворного этикета – Борис Годунов на приеме посла Льва Сапеги весной

1584 стоит "выше рынд", тогда как более знатные Ф.Мстиславский, П.Шуйский и Н.Юрьев "сидят на лавках поодаль" [7], та же ситуация повторяется в феврале 1585 года на приеме Лукаша Сапеги; назначения в шведский поход 1585 года "ближними воеводами" Г.В.Годунова и Б.Ю.Сабурова (как результат протекции Бориса) и слова посланника Луки Новосильцева, речь о которых пойдет ниже. Р.Г.Скрынников связывает подобное "расположение" вельмож при приеме австрийского посла с активным противодействием "дворовых" Б.Годунова и Б.Бельского "земской" верхушке, в результате которого было совершено "неслыханное нарушение традиции", которое, впрочем, не меняло на институциональном уровне расклада сил в управлении внешней политикой государства [12].

Утверждение А.П.Павлова о всеильности Бориса Годунова сомнительно уже потому, что система осуществления внешней политики Московского государства в данный период имеет весьма сложный характер. Выделить человека или группу людей, способных целиком ей "заправлять" в принципе невозможно. Любой дипломатический акт осуществляется по "приговору" царя и бояр, то есть Боярской думы [14]. Даже "всемогущие" братья Щелкаловы, "великие дьяки", могли действовать исключительно с санкции Боярской думы. Именно расклад сил в ней и имел определяющее значение – ведущие роды формулировали внешнеполитический курс, который впоследствии и реализовывался на исполнительном уровне – через дьяков, посланников и Посольский приказ. Столкновения различных группировок в Боярской думе после смерти Ивана Грозного пусть и могли привести к эпизодическим нарушениям дипломатического этикета, однако в корне изменить саму систему принятия решений в ней были не в состоянии.

Несмотря на активные действия клана Годуновых по наращиванию собственного влияния в Думе, важнейшие дипломатические акции сопровождаются в это время ставленниками Романовых – именно ведущей политической думской группировки: князь Д.П. Елецкий в июне 1854 присутствует при "ответе" послу Сапеге, князь Ф.М.Троекуров осенью 1854 отправляется послом на важнейшие переговоры в Польшу, в августе 1585 князь Ф.Д.Шестунов отправлен послом в Швецию.

Насколько во внешнеполитическую деятельность тандема А.Щелкалов–Н.Юрьев был включен Годунов судить сложно. С.Ф. Платонов и Р.Г. Скрынников считают его неотъемлемой частью команды [8], А.А. Зимин настаивает, что все "дворовое" семейство Годуновых находилось в определенном рода оппозиции к "земским боярам". Однако, как бы то ни было, и сам Борис Федорович, и весь клан Годуновых не может в это время рассматриваться нами как ключевая сила во внешней политике государства. В самом выгодном для него случае, Борис Федорович лишь увязывает свою деятельность с ведущими функционерами государства в данной области, не имея возможности оказывать решающее влияние на процесс принятия решений.

Косвенным подтверждением данного факта является то, что сам Борис Годунов в рассматриваемый период занимается довольно "периферийными" вопросами внешней политики. Так Н.С. Арцыбашев рассказывает, как в 1854 Борис занят устройством судьбы лифляндских и литовских пленников, отправленных к Стефану Баторию с посланником Даниилом Ивановичем Исленьевым, "ссужая их деньгами" и "другими нужными вещами" [1].

Впрочем, не стремясь совершенно умалить шаги Бориса Федоровича в этот период, необходимо отметить, что данный сюжет иллюстрирует то, что позже Р.Г.Скрынников назовет выстраиванием политики "личной дипломатии" Бориса Годунова, призванной создать милосердный и щедрый образ Соправителя за рубежом [10]. В этом аспекте с Р.Г. Скрынниковым солидарна Л.Е. Морозова [6].

Создается впечатление, что создание нужного имиджа с явным прицелом на перспективу – главная задача Бориса Годунова в этот период. В самом начале 1585 года московский посланник Лукьян Захарович Новосильцев по дороге в Вену в ходе беседы со Станиславом Карнковским, архиепископом Гнезненским, проводит параллели между деятельностью при царях Бориса Годунова и Алексея Адашева, отдавая предпочтение первому и прямо называя его "правителем земли" и "о земле великим печальником". С.Ф. Платонов предполагает, что подобные речи наверняка доходили до Боярской думы, однако кроме раздражения бояр, ни к каким серьезным последствиям не привели [8].

Ряд авторов считает, что к этому же времени помимо "личной" возникает и "тайная" дипломатия Бориса Годунова: в том же 1585 Борис Федорович ведет переговоры с австрийским двором о возможном замужестве его сестры Ирины с эрцгерцогом Максимилианом на фоне болезни Федора Иоанновича и его возможной смерти [6]. Данный шаг при его реализации открывал возможность с наименьшим приложением усилий занять престол после смерти последнего Рюриковича. О.В. Дмитриева отмечает, что подобные шаги Бориса были возможны только в связке с Андреем Щелкаловым, а курс на союз с австрийскими Габсбургами в это время становится приоритетным для Бориса Федоровича [3]. Впрочем, "имперская" линия царского фаворита оказалась провальной – его "тайные" переговоры довольно скоро стали "явными" [4;17].

Более того, контакты с австрийским двором едва не обернулись провалом Бориса Федоровича на внутривнутриполитическом поприще, так же, как и его обращение через Джерома Горсея к английской королеве с просьбой политического убежища в случае смерти царя Федора, что также подверглось огласке [17].

Таким образом, в период 1584–1585 годов мы можем говорить об исключительно скромном влиянии Бориса Годунова на ход внешнеполитических дел. Оттененный от процесса принятия решений более опытными дипломатами и политиками в лице Никиты Юрьева и Андрея Щелкалова, царский шурин стремится действовать

в обход официальных дипломатических процедур с целью решения задач личного свойства. Его попытки включится в процесс большой внешней политики в это время либо ограничиваются локальными успехами ("личная дипломатия"), либо приводят к негативным последствиям (попытка отстаивать интересы английских торговцев, "тайная дипломатия").

С уверенностью говорить о возрастании влияния Бориса во внешней политике можно лишь с 1586 года. Большинство авторов связывает это с успехами Годунова в придворной борьбе, в пользу которых сыграл случай: в 1585 или самом начале 1586 умирает Никита Романович Захарьин-Юрьев – наиболее авторитетная фигура в раннем правительстве Федора Иоанновича и главный "заслон" на пути властных амбиций Бориса Федоровича.

Ряд источников указывает на то, что незадолго до смерти боярина Никиты Романовича был заключен "завещательный союз дружбы" Юрьевых и Годуновых. В качестве гипотезы можно предположить, что вместе с просьбой "присмотреть" за юными сыновьями, Юрьев в какой-то форме делегировал Годунову часть своих внешнеполитических полномочий, а главное – свою "дипломатическую команду", представленную Троекуровыми, Сицкими и Елецкими [7]. По логике развития событий, должны были примкнуть к клану Годуновых и безродные Щелкаловы, опасавшиеся в это время союза родовитых Шуйских и Мстиславских [7], что совершенно переиграло бы соотношение сил при дворе и создавало для "великих дьяков" ситуацию неопределенности.

Вместе с тем, отношения Бориса Годунова и Андрея Щелкалова – "руководителей внешней политики в правительстве Федора" после смерти Никиты Романовича Юрьева далеки от однозначных и не выглядят монолитным союзом по интересам. Это объясняется постоянным и настойчивым вмешательством Соправителя в дела Посольского приказа с целью "повышения собственного политического статуса" [3]. На это же указывает и Р.Г. Скрынников, называя подобные вмешательства "бесцеремонными" [17]. Более того, старший Щелкалов сохранил традиционное для него негативное отношение к английским купцам и с позволения царя вмешивался в протекционистскую политику Бориса по отношению к ним же [6], что не могло не порождать постепенного нагнетания конфликта.

Тем не менее, в период с 1586 по 1588 (до распоряжений Думы о его особом статусе) по ряду признаков можно наблюдать, как возрастает внешнеполитический авторитет Бориса Федоровича и в каких формах это выражается.

Во-первых, иностранные правительства начинают присылать "любезные грамоты" и письма на его имя, в которых содержатся просьбы посодествовать в решении целого ряда вопросов, включая создание благоприятного режима для иностранных торговцев или оказание помощи в овладении польским престолом (королева Елизавета и брат императора Рудольфа Максимилиан); некоторые из этих просьб выполняются: в 1587 году Бори-

су Федоровичу удается оказать покровительство английским купцам, за которых просила Елизавета – они получают право беспешинной торговли в Москве, Ярославле, Вологде и Холмогорах [6] (Л.Е. Морозова отмечает, что эта протекция Бориса закончилась убытками для государственной казны).

Во-вторых, значительно возрастает число сношений Годунова с иностранной знатью, создающей политический климат в своей стране; в 1588 Годунов пишет к великим князьям литовским, киевским и мазовским в надежде не допустить к престолу Речи Посполитой Сигизмунда после неудачи посольства Степана Годунова, Федора Троекурова и Василия Щелкалова, однако терпит неудачу.

В-третьих, изменяется дипломатическая титулатура Годунова в обращениях к нему иностранных послов и представителей; как указывает С.Ф. Платонов [8], Горсей передает Борису письмо английской королевы Елизаветы, где тот именуется "князем" (the prince) и "кровным приятелем"; в том же году среди англичан за конюшим боярином закрепляется звание "лорда-протектора Русского государства" (prince Boris Fed. Lord Protector of Russia), по аналогии с Оливером Кромвелем.

В-четвертых, русские посланники за рубежом начинают выполнять поручения Бориса Годунова, данные лично: например, летом 1586 пытаются в Польше разузнать о связях Шуйских с изменником М.И. Головиным; этот же сюжет иллюстрирует отправка Борисом послов для переговоров об унии в Польшу после смерти Батория [17].

В-пятых, иностранные послы впервые начинают принимать во дворе самого Бориса Федоровича, причем церемония их приема копирует царскую; именно так в 1586 году был принят в хоромы Бориса Годунова австрийский посол Варкоч [17].

В-шестых, в апреле 1586 Борис Годунов "отказал" (!!!) польскому послу М. Гарабурде в аудиенции "всех бояр" и поручил вести переговоры группе бояр "ближней думы" – И.В. Годунову, И.В. Сицкому и братьям Щелкаловым (причина крылась в том, что Гарабурда имел задание разузнать о сношениях русского правительства с Габсбургамми), что говорит о его возможности вносить изменения в дипломатические процедуры при дворе.

В этот период отчетливо прослеживается повышение внимания русского правительства к партнерским отношениям со странами Востока. Вероятнее всего, это становится следствием уже достигнутых к тому времени мирных договоренностей с западными соседями – поляками и шведами. Однако, нельзя исключить, что "восточное направление" политики Русского государства получило дальнейшее развитие благодаря интересу к нему Бориса Федоровича. По крайней мере, хронологически его можно увязать с усилением его позиций в сфере русской внешней политики.

В 1586 в Москве с большой торжественностью принимают антиохийского вселенского патриарха и колассийского (сербского) митрополита. По мнению А.А. Зи-

мина, данные контакты преследовали далеко идущую цель – утверждение в России патриаршества [4], что и было реализовано спустя три года при непосредственном участии Бориса Федоровича.

Интенсифицируются контакты с Ираном. В 1587 году стартует серия переговоров между странами о совместных боевых действиях против Османской империи. Полноценного военного союза так и не сложилось, зато товарообмен между странами вырос значительно, столь же стремительными темпами возрастал и обмен послами (с русской стороны в Персию отправляется дворянин и видный дипломат Григорий Борисович Васильчиков с подьячим Монастыревым).

С 1586 налаживаются торговые отношения с Кавказом – в частности, с Кахетией, царь которой Александр II в том же году прислал Федору Иоанновичу грамоту с просьбой принять "его землю" под руку московского правителя, что и состоится в следующем 1587. Исключительный интерес Бориса Годунова к Кавказскому региону в период его царствования позволяет догадываться, что и это направление было связано с его деятельностью времен Соправительства.

Данный этап участия Бориса Годунова во внешней политике Московского государства характеризуется более открытым характером его акций, расширением инструментария и ростом масштаба решаемых задач. Данное положение сложилось благодаря конъюнктурным изменениям: смерть Никиты Романова и временный союз с Андреем Щелкаловым позволили царскому шурину "выйти из тени" и заявить о своих желаниях и способности воздействовать на формирование внешнеполитического курса страны. В то же время, его статус остается не вполне определенным: Посольский приказ находится вне пределов его контроля, а титул Соправителя не подразумевает возможности выступать от лица государства. Совершенно очевидной становится необходимость институирования деятельности Бориса Федоровича на внешнеполитической арене.

Именно с этим и связан следующий этап возвышения Бориса Годунова – август 1588–1589 гг.: в это время царь и Боярская дума официально наделяют конюшого правом напрямую "сноситься" с зарубежными государями [8]: в 1588 такое постановление относится к крымскому хану, в 1589 – к цезарю, причем особо оговаривается, что и с "другими" можно поступать точно так же. Р.Г. Скрынников уточняет, что в число этих других входят кроме австрийских испанские Габсбурги, Англия и прочие государства Западной Европы [17]. К.Т. Медведева прибавляет к этому списку иранского шаха [5], бухарского и крымского ханов.

Более скептическую точку зрения высказывает Л.Е. Морозова, утверждая, что в связи с неудачными переговорами с австрийским двором, проведенными ранее, Федор Иоаннович и боярская дума не допускали Бориса "до переписки и переговоров с жизненно важными для страны державами: Речью Посполитой, Крымом, Швецией, Ногайской ордой" [6].

Само это думское назначение происходит, что называется, постфактум: Борис Федорович попросту уведомляет царя и Думу о том, что уже давно получает грамоты от внешнеполитических партнеров, и спрашивает – должен ли он отвечать на них. Наверняка, вопрос Борисом Годуновым детализировался: в качестве кого и с каким набором полномочий он должен на них отвечать? Не означало ли это исключение Боярской думы из процесса принятия внешнеполитических решений?

Процесс таких ответов Соправителя был детально проработан и озвучен: "писати грамоты в Посольском приказе, и в книги то писати особно, и в посольских книгах под государевыми грамотами". С.Ф. Платонов конкретизирует: "И действительно в делах Посольского приказа уцелели особые "книги, а в них писаны ссылки царского величества на шурина" с иностранными правительствами" [8].

В.И. Савва считает, что данное решение позволило царскому шурина оттеснить Боярскую думу [9]. По мнению А.Павлова со ссылкой на того же В.И.Савву, данное решение Думы меняло саму процедуру осуществления внешней политики: "дьяки посольского приказа "докладывали по делам своего приказа уже не государю лично, как ранее, а боярам (и прежде всего – Б.Ф.Годунову) [7]". Остальные не играют большой роли в процессе принятия решения: на переговорах с польскими послами Ф.И.Мстиславский и Ф.Н.Романов не могут принять решения без Б.Ф.Годунова.

К.Т. Медведева выдвигает еще более смелую мысль: с этим назначением Борис во внешней политике "потеснил самого царя" [5].

Л.Е. Морозова напротив, замечает, что говорить о полновластии Бориса во внешней политике не приходится – посольский приказ в это время контролируется Андреем Щелкаловым, и новая "компетенция" Бориса Федоровича при данном условии превращалась если не в формальность, то в очень ограниченную опцию, а то и вовсе лишала его необходимой свободы маневра [6].

А.П.Павлов в связи с этим отмечает, что право на сношения с иностранными дворами Годунов не узурпировал, а получил по указанию царя и по "приговору" бояр, где после разгрома семейства Шуйских преобладали его сторонники [7]. Снижения роли Думы во внешней политике, по мнению автора, это ни в коей мере не подразумевало, а особая роль Бориса Федоровича в управлении внешнеполитическими делами была явлением временным, которое не оказало влияния на прерогативы Боярской думы в дальнейшем [7]. Во все время правления Федора Иоанновича Боярская дума неизменно выносит решение как минимум о начале войны или заключении мира [7].

Стоит отметить, что традиционно члены Боярской думы имели исключительное право вести переговоры с иностранными послами. Количество бояр и окольных в "ответных комиссиях" при послах во времена Федора Иоанновича и Бориса Годунова значительно возрастает. Члены этих комиссий должны были докладывать о ре-

зультатах переговоров остальным членам Думы и царю [7].

Помимо переписки с иностранными государями Боярская дума, по мнению О.В. Дмитриевой, предоставляла царскому шурина исключительное право принимать послов у себя [3]. Однако, как мы можем увидеть выше, это решение также носит "подтверждающий" характер – Борис итак это делал.

К 90-м годам эта практика приема послов на Борисовом дворе становится регулярной, причем церемония их приема и отпуск "кормов" послам точь-в-точь копируют аналогичные царские.

Необходимо так же отметить, что к 1589 году разногласия между Борисом Годуновым и Андреем Щелкаловым привели к тому, что последний, по донесениям австрийца Варкоча, "не в чести", за ним организована слежка [17].

Данное положение Годунова фиксируется вплоть до его воцарения в 1598 году. Помимо получения исключительного права сноситься с иностранными государями в этот период Борис Федорович формирует курс внешней политики Московского государства.

Формируется и штат его главных сподручных в деле управления внешнеполитическими делами – таковыми становятся И.В.Годунов и А.П.Клешнин, которые под 1589 годом упоминаются в качестве лиц, ведущих переговоры с австрийским послом Варкочем [4].

Его программа носит двойственный характер: с одной стороны, это усилия по "замирению" соседей, которое необходимо для сосредоточения сил на преодолении внутриэкономического кризиса. Необходимо отметить, что Борис принимал на себя роль ведущего игрока российской внешней политики в весьма удачное время – осложнение положения Речи Посполитой в связи с конфликтом с Османской империей позволило, по мнению А.А.Зимина, не беспокоиться о возможности войны с поляками [4] и параллельно сохранить мирные отношения с турками. Был продолжен и получил дальнейшее развитие курс на развитие торговых отношений с Ираном и Бухарским ханством, а также на утверждение России на Северном Кавказе (отправка стрельцов Г.Полтева в Кабарду), то есть те направления, самое живое участие в которых Борис Федорович принял ранее [4].

С другой же стороны, мы видим довольно амбициозные внешнеполитические проекты Бориса Годунова, наподобие попытки создания антитурецкой коалиции во главе с Россией и Империей Габсбургов и привлечением Ирана [6]. Борис Годунов даже дал согласие на вступление Московского государства в такую после поступившего предложения римского папы Сикста V и Рудольфа II [2]. Впрочем, дальше переговоров и финансовой помощи Империи дело не продвинулось.

Более реальной виделась война со Швецией, неоднократно в 1589 году беспокоивший северо-западные рубежи Русского государства. Весь год уйдет на подготовку к боевым действиям, которые начнутся в 1590 [4].

Охладели отношения с Англией, купцы которой оказа-

лись замешаны в финансовых авантюрах на территории России. В своем нынешнем положении Борис Годунов отказался от оказания им протекции, соблюдая в данном случае исключительно интересы государства.

Таким образом, в период с 1584 по 1589 годы мы можем наблюдать поэтапное изменение роли Бориса Годунова во внешней политике Русского государства. На начальном этапе – с 1584 по момент смерти Никиты Юрьева – эта роль незначительна: царский шури́н использует дипломатические возможности для укрепления собственного положения и решения сугубо личных задач. На втором этапе – с момента смерти Никиты Романовича до распоряжения Боярской думы о присвоении Борису права сношения с представителями иностранных государств – полномочия конюшего боярина значительно расширяются, четче прослеживаются его внешнеполитические ориентиры, деятельность перестает носить частный характер. Наконец, период распоряжений Думы о наделении Бориса Годунова чрезвычайными полномочиями – 1588 и 1589 годы – характеризуются значительным возрастанием его роли в определении внешнеполитического курса страны, выработкой собственной стратегии, причастностью к принятию ключевых решений в этой политической сфере, формированием собственной дипломатической команды.

Следует отметить, что этапы становления Бориса Годунова в качестве ведущего исполнителя внешней политики государства тесно связаны с укреплением его поло-

жения при дворе и реализуются в тесной корреляции с конъюнктурными изменениями. Смерть Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, сначала необходимая поддержка, а затем опала Андрея Щелкалова, ослабление позиций Шуйских оказывали самое непосредственное влияние на усиление роли Бориса Федоровича в процессе принятия внешнеполитических решений.

Вместе с тем, следует отметить, что ни в один из этапов Борис Годунов не является единственным лицом, определяющим курс государства. Он не несет ответственности за судьбы страны и народа и не наделен соответствующими полномочиями. Существующая традиция сохранила право принятия ключевых решений подобного рода за царем и "приговором" Боярской думы, отменить которые не могло возвышение отдельно взятого лица, каким бы стремительным и блестящим оно не являлось.

Вопрос о приоритетах Бориса Годунова во внешней политике остается малоизученным. Совершенно ясно, что до 1589 года в их основе лежат личные интересы царского фаворита: укрепление собственного авторитета внутри страны и за рубежом, расправа с политическими противниками, обеспечение собственной безопасности и проработка сценариев на случай смерти бездетного Федора Иоанновича. Однако с укреплением положения Бориса характер приоритетов меняется – его акции становятся не выражением собственной политической воли, а трансляцией интересов Московского государства, в том виде, в каком они ему представляются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арцыбашев Н.С. Повествование о России. – М., 1843.
2. Броневский СМ. Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доньне. – СПб., 1996.
3. Дмитриева О.В. Внешняя политика России эпохи Бориса Годунова. – Сб.статей: Борис Годунов: от слуги до государя всея Руси. – М., 2015.
4. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. – М.: Мысль, 1986.
5. Медведева К.Т. Борис Годунов и Рудольф II: дипломатические отношения русского государства и Священной римской империи германской нации. – Сб.статей: Борис Годунов: от слуги до государя всея Руси. – М., 2015.
6. Морозова Л.Е. Два царя: Федор и Борис: канун Смутного времени. – М.: ООО "ТИД "Русское слово РС", 2006.
7. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). – СПб., 1992.
8. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI– XVII вв. – СПб.: Склад издания у Я.Башмачникова и Ко, 1910.
9. Савва В.И. О посольском приказе. – Харьков: Тип. Т-вапотр. о-в юга России, 1917.
10. Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. "Смута". – М.: Мысль, 1988.
11. Скрынников Р.Г. Россия накануне "Смутного времени". – М.: Мысль, 1981.
12. Скрынников Р.Г. Царь Борис и Дмитрий Самозванец. – М.: Русич, 1997.
13. Толстой Ю. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией. – СПб., 1875. – ЧОИДР, 1884, кн. 4, отд. III.
14. Шишкин И.Г. Отечественная историография истории управления в Российском государстве конца XV – XVI вв. (1917 – начало XXI вв.). – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2009.
15. Monumenta Poloniae Vaticana, t. 7. Krakow, 1934–1948, p. 315.
16. ЧОИДР, 1884, кн. IV, отд. III. – С. 101.
17. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. – М.: Издательство "Наука", 1979.